

Волга Алексей Николаевич

старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет

им. академика И.Г. Петровского»

г. Брянск, Брянская область

**«СВЕТЛЫЕ МУЖИ» В НАЧАЛЕ «ИСТОРИИ О ВЕЛИКОМ
КНЯЗЕ МОСКОВСКОМ» АНДРЕЯ КУРБСКОГО. К ВОПРОСУ
ОБ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

***Аннотация:** в настоящей статье рассматривается вопрос о том, какие исторические лица в начале «Истории о великом князе Московском» названы «светлыми мужами», сподвижниками Андрея Курбского к написанию произведения. Анализ мировоззренческих установок автора, исторического контекста, а также эпистолярного наследия Курбского позволяет утверждать, что вдохновителями создания текста можно считать старца Артемия Троицкого и Марка Сарыхозина.*

***Ключевые слова:** Андрей Курбский, История о великом князе Московском, послания, автобиографический дискурс.*

«История о великом князе Московском» – первое произведение в литературе Древней Руси, содержание которого обусловлено личными воспоминаниями и впечатлениями автора. Курбский писал не только историю страны и полное противоречий жизнеописание Ивана IV, но и собственную биографию. Подобная трехплановая задача требовала от книжника особых форм представления как исторического, так и биографического материала.

Автобиографизм возникает уже в абсолютном начале произведения и обуславливает побудительные мотивы его составления: «Много крѣть ото многихъ свѣтлыхъ мужей вопрошаемъ быхъ с великимъ стужаниемъ. Послѣди же, частыхъ ради вопрошений, принужденъ былъ нѣчто рещи отчасти о случаяхъ приключшихся таковыхъ» [4, с. 310]. Сама ситуация достаточно традиционна для агиографии, поводом для написания жития часто становились пожелания

монахов, старцев, людей, знавших святого. Курбский же использует житийный код для того, чтобы раскрыть важные обстоятельства собственной жизни, охарактеризовать свое окружение.

В переводе А.А. Алексеева, опубликованном в 11-м томе «Библиотеки литературы Древней Руси», слово «свѣтлые» передано как «умные» [4, с. 311], но это, на наш взгляд, несколько изменяет содержание авторской формулировки. Известно, что Курбский почти не употреблял в своих сочинениях определения «умный». Единственное исключение – характеристика князя Константина Острожского в Третьем послании, который характеризуется как «муж разумен» [4, с. 550]. Людей просвещенных, сведущих в науках, отличившихся в книжной премудрости, он называл «учеными», «навыкшими» в науках (см.: Предисловие к Новому Маргариту, Послание к Марку Сарыхозину [4, с. 520]).

В таком контексте особое значение приобретает установление лиц, которых Курбский мог назвать «светлыми» мужами и которые могли сподвигнуть его к написанию сочинения о царе.

Если учитывать то, что автор «Истории» был настоящим знатоком, то интерес вызывает использование этого определения «светлый» в Ветхом и Новом заветах. Сразу же следует отметить, что определение «светлый» не получает широкого употребления в Библии. Однако в 7 главе Премудрости Соломона оно используется для характеристики разума и духа Премудрости, дарованных человеку: «Есть бо в той дух разума свят, едиnorodный, многочастный, тонкий, благодвижный, светлый, нескверный, ясный, невредительный, благолюбивый, остр, невозбранен, благодетелен» (Прем. 7: 22) И разум, и дух даются человеку для духовного бытия. Второй пример использования определения «светлый» обнаруживается в «Откровениях Иоанна Богослова»: «И дано бысть ей обещися в виссон чист и светл: виссон бо оправдания святых есть» (Откр. 19:8). Чистый и светлый виссон в сакральном тексте символизирует праведность, ту добродетель, которая является, с одной стороны, благодатью Бога, а с другой, следствием деяний самого человека, его жизни в добре и созидании. Следовательно, исходя из традиционных представлений православного человека, Курбский мог

использовать определение «светлые» мужи только в отношении тех людей, которых считал духовно чистыми, истинными праведниками.

Одним из таких людей был старец Артемий, яркий идеолог нестяжательства, последовательный сторонник идей Нила Сорского, знаток церковнославянского языка и книжности, талантливый писатель и религиозный публицист, автор сборника выписок из церковно-учительной литературы в защиту нестяжательства, посланий Ивану IV и Стоглавому собору (1551 г.).

Установить точное время начала общения Курбского со старцем не представляется возможным, В.В. Калугин утверждает, что они хорошо были знакомы еще до бегства из Московской Руси [3, с. 89]. Можно предположить, что первые контакты относятся ко времени деятельности неформального правительства при Иване IV – «Избранной рады». Известно, что Сильвестр, входивший в ближайшее окружение царя, некоторое время состоял в дружеских отношениях со старцем Артемием. Под влиянием Сильвестра Иван IV призвал в Москву старцев Порфириевой пустыни, одним из которых и был Артемий. Он даже, хотя и ненадолго, стал игуменом Троице-Сергиевского монастыря и смог вернуть из ссылки Максима Грека. Очевидно, к этому времени и относится знакомство 23-летнего Курбского со старцем Артемием, человеком, оказавшим огромное влияние на жизнь князя и во многом определившим его творческую судьбу в изгнании. «По словам Курбского, идея создания кружка книжников родилась в беседах со старцем Артемием» [3, с. 36]. И хотя взгляды Курбского и Артемия на православие не всегда совпадали, он неизменно вызывал уважение у князя Андрея.

Жизнь Артемия, «отца и господина», как называл его Курбский, не могла не восхищать князя Андрея. Она воспринималась им как духовный подвиг и постоянная борьба за чистоту веры. Даже то, что Артемий не стремился занимать высокие посты в церковной иерархии, доказывало чистоту его помыслов и убежденность в идеях нестяжательства. Он мог бы стать игуменом Комельского монастыря, но отказался и отправился на семь лет в Порфириеву пустынь. Уже сам факт его длительного пребывания в пустыне, насельниками которой были бывший игумен Троице-Сергиева монастыря, опальный Порфирий, постриженники

Соловецкого монастыря Иоасаф (Исаак) Белобаев и Феодорит Кольский, доказывает приверженность Артемия идеям Нила Сорского, его стремление к аскезе и постоянному духовному самосовершенствованию. И позже, после приближения ко двору, рукоположения в иеромонахи и назначения игуменом Троице-Сергиева монастыря, старец Артемий сохранил верность своим духовным принципам. За время игуменства он добился возвращения из ссылки Максима Грека, ходатайствовал о прощении Феодорита, изгнанного к тому времени из монастыря на Коле за строгое следование нестяжательному уставу. Сама атмосфера Троице-Сергиева монастыря, крупнейшего и богатейшего на Руси, была гнетущей для Артемия. Через полгода он самовольно оставил игуменский пост и снова отправился в Порфириеву пустынь.

Твердость духа старца Артемия проявилась и во время процесса над Матвеем Башкиным. Его «многия богохулныя вины» по словам подследственного заключались в том, что старец отказывался почитать иконы и отрицал причастие, потому что ни в Евангелие, ни в Апостоле об этом не написано. И хотя это был наговор, старец не стал оправдываться. Резко негативное отношение к несправедливому суду и нежелание подчиняться властям и проявилось в том, что Артемий своевольно покинул Спасо-Андроников монастырь, куда был помещен на время следствия. Назад его вернули в кандалах, а потом осудили за преступную, с точки зрения власти, позицию по отношению к еретикам. Как и все нестяжатели, он выступал против казней вероотступников и вообще утверждал, что «нынѣ еретиков нѣтъ и въ спорѣ никто не говорить». Старец свою вину не признал и в очередной раз проявил твердость: «язь деи такъ не мудръствую, какъ на меня сказывали, то на меня лгали, язь вѣрую во Отца и сына и святого Духа въ Троицу единосущиую» [5, с. 253]. Приговор был по-настоящему суровым: Артемия в кандалах, как пишет Курбский, сослали в Соловецкий монастырь, там заточили в «зело в ускую келью», во избежание распространения идей старца лишили общения, повелели «въ молчаніи сидѣти <...> и каятись», лишили права переписки, установили надзор за чтением [5, с.254].

После побега из заточения и из Московской Руси, старец Артемий с еще большим воодушевлением занялся распространением своих взглядов и стал одним из самых активных защитников традиционного православия и церковнославянской культуры, настоящим борцом с рационалистическими и еретическими учениями. Однако при всей твердости духа и убежденности в своих идеях, он проповедовал евангельскую кротость и смирение. «Защищая православие, старец Артемий опирался на церковное предание, превозносившее смирение и нищету духа, наивность и простоту веры не замутившегося ученостью ума» [3, с. 105].

Для Курбского старец Артемий – идеал служения православию. Дважды в письме к Марку Сарыхозину он называет старца «преподобным», т.е. уподобленным Господу. И это не было реализацией эпистолярного этикета. Князь Андрей таким образом выражал свое отношение к Артемию, подчеркивал святость «отца» и учителя. Тесное общение Курбского со старцем на протяжении 12 лет жизни в Великом княжестве Литовском, преклонение перед его талантом книжника и богослова, перед силой его духа и чистотой веры дает возможность утверждать, что человеком, которого князь Андрей мог назвать «светлым» мужем был именно Артемий. Так же, как он стал вдохновителем миляновичского кружка, он мог посоветовать князю написать правдивое повествование о жизни царя.

Не меньшую симпатию испытывал Курбский и к ученику Артемия Марку Сарыхозину. Как пишет В.В. Калугин, князь Андрей поддерживал с ним дружеские отношения, обсуждал литературные планы, переписывался, отправлял свои сочинения, просил оказать помощь в переводах, хотел привлечь к деятельности миляновичского кружка. Планам князя Андрея в отношении Сарыхозина не суждено было сбыться. Покровитель Марка Юрий II, двоюродный брат Константина Острожского, был категорически против сотрудничества Сарыхозина с Курбским, он даже «заподозрил боярина в намерении переманить к себе Марка на службу» [3, с. 89]. Вступать в конфликт со столь влиятельным литовским родом князь Андрей не решился, хотя продолжал поддерживать с Сарыхозиным дружеские отношения.

Курбский искренне восхищался этим молодым человеком. В письме к Марку он пишет: «А слышал есмь от некоторых, иже его милости князь Слуцкий разумѣть от нас, иже бы аз тебѣ от него пребавлял до службъ моих. А который, ум умѣющий, христианин не рад бы себѣ товарищи имѣль, а еще ктому «сына свѣта», яко Богослов пишет в том реченью» [4, с. 520]. В этом письме, смысл которого заключался в том, чтобы убедить Марка Сарыхозина оказать помощь в переводах, обращает внимание весьма лестная для адресата характеристика. Курбский называет Марка «сыном свѣта» со ссылкой на святителя Григория Богослова (Назианзина).

В сочинениях Григория Богослова есть «Слово 11, сказанное брату Василия Великого, святому Григорию, епископу Нисскому, когда он пришел к св. Григорию Богослову, по рукоположении его в епископа», открывающееся набором цитат и собственных сентенций о дружбе: «Друга верного нельзя ничем заменить, и несть мерила доброте его. Друг верен, кров крепок (Сир. 6, 14, 15) и огражденное царство (Притч. 18, 19); друг верный – сокровище одушевленное. Друг верный дороже золота и множества драгоценных камней. Друг верный – вертоград заключен, источник запечатлен (Пес. Песн. 4, 12), которые временно отверзают и которыми временно пользуются. Друг верный – пристанище для упокоения. А ежели он отличается благоразумием, то сие сколько еще драгоценнее! Ежели он высок ученостью, ученостью всеобъемлющей, какой должна быть и была некогда наша ученость, то сие сколько еще преимущественней? А ежели он и сын света (Иоан. 12, 36), или человек Божий (1 Тим. 6, 11), или приступающий к Богу (Исх. 19, 22), или муж лучших желаний (Дан. 9, 23), или достойный одного из подобных наименований, какими Писание отличает мужей божественных, высоких и принадлежащих горнему, то сие уже дар Божий и, очевидно, выше нашего достоинства» [2, с. 194–195]. Ссылка на Григория Богослова дана в тексте не только потому, что Курбский находился под влиянием этого памятника богословской мысли, занимаясь его переводом на русский язык. Мысли о дружбе, высказанные в начале 11 Слова, отвечали представлениям Курбского о духовном братве.

Важным представляется подтекст ссылки, ибо в ней содержатся не только сентенции о верности слову, благоразумии, нравственной чистоте, но и об учености. Причем положение об учености предваряет цитату из Евангелия от Иоанна, в которой и использована фраза «сын света», неоднократно повторенная в самых разных частях Нового завета. Ее смысл заключается в том, что каждый нравственно чистый человек может поверить в свет [*в Бога* – А.В.] и стать его учеником (Рим. 13:12; Еф. 5:8,14; Кол. 1:13–14; 1-Фес. 5:5; 1-Иоан. 1:7; 2:10). По сути, Курбский ссылкой называет Марка Сарыхозина человеком, избранным Богом. И это можно рассматривать не только как реализацию традиционной комплиментарности, характерной для послания: формальные признаки жанра и так в полном объеме присутствуют в письме. Отсылка к тексту Григория Богослова есть выражение искренних чувств Курбского по отношению к младшему товарищу и единомышленнику.

Не менее показательным является и прескрипт письма: «Юноше, свѣтлых обычаевъ навикшему, брату и приятелю моему милому, господину Марку» [3, с. 518]. Этот фрагмент послания был достаточно обстоятельно рассмотрен О.С. Аракчеевой, которая отметила наличие традиционных формул «вступительного приветствия»: комплиментарных эпитетов, характерных для прескрипта, указание имени и возраста адресата, выражение уважительного отношения автора письма к своему корреспонденту, что «позволяет говорить о полноте представления Андреем Курбским своего адресата» [1, с. 114]. Для нас же определенный интерес представляет формула «свѣтлых обычаевъ навикшему», трактуемая исследователем, как оценка добронравия Марка Сарыхозина. В свете всего содержания письма становится очевидным, что «свѣтлый» для Курбского – это «божественный, высокий и принадлежащий горнему».

Следовательно, «свѣтлыми мужами», по «понуждению» которых была написана «История», были старец Артемий и Марк Сарыхозин, т.е. самые духовно близкие на чужбине Курбскому люди.

Список литературы

1. Аракчеева О.С. Особенности структуры послания Андрея Курбского Марку Сарыхозину // Вестник Брянского государственного университета. Серия: История. Литературоведение. Право. Языкознание. – 2012. – №2. – С. 114.
2. Григорий Богослов. Творения иже во Святых Отца нашего Григория Богослова, Архиепископа Константинопольского. Т. 1. – СПб., 1912.
3. Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный. – М., 1998.
4. Сочинения Андрея Курбского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. – СПб., 2001.
5. Соборная грамота в Соловецкий монастырь о заточении бывшего Троицкого игумена Артемия // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедицию Императорской Академии наук. Т.1. – СПб., 1836.